

ФИЛОСОФИЯ ПАМЯТИ. СОЦИАЛЬНАЯ ИСТОРИЯ РОССИИ В МЕМУАРАХ А.В. ТЫРКОВОЙ-ВИЛЬЯМС

О.А. ЖУКОВА

1. Литературно-философское наследие русской эмиграции в контексте памяти культуры

Духовно-культурное наследие русской эмиграции XX в. продолжает оставаться ценным источником для исследований по истории отечественной социально-философской мысли. При обращении к мемуарной литературе приходится принимать во внимание тот факт, что идеологическая блокада русской религиозно-философской мысли в течение длительного времени осложнила освоение богатейшего наследия интеллектуальной культуры. Разрывы собственной традиции на уровне высоких форм философской рефлексии преодолеваются непросто. Можно говорить, что восстановление недостающего звена в трансляции культурной памяти исторической России напрямую связано и с освоением традиции русской социально-философской мысли в многообразии жанров философского и художественного дискурса.

Для русских изгнанников жанр воспоминаний стал важнейшей формой индивидуального творческого опыта, сохраняя преемственность с русской традицией философствования художественным словом и образом. Вводя в исследовательское поле статьи тему преемственности как линии философского творчества, выраженного произведением литературы или искусства, мы отмечаем, что характерной чертой русской культуры выступает художественная форма культурного самосознания, берущая на себя функцию *особой формы рефлексии в целостном опыте жизни, определяемом фактом веры*. Справедливо утверждать, что русская культура, осваивая культуру веры по византийским образцам и не имея школы философского мышления, осуществила себя как культура, исходно начавшаяся с религиозно-художественного творчества. Ее мировоззренческой доминантой оказалась *идея творчества*, а ведущими формами культурного самосознания — нравственно-религиозное и художественно-философское. Если в религиозной культуре творчество понималось как путь восхождения личности к Первообразу в трансцендентной перспективе духовного совершенствования, то в светской — как опыт строительства культуры в горизонте христианских идеалов Красоты — Истины — Добра. Тем самым было сохранено характерное для русской культуры взаимопроникновение религиозного и секулярного типов мирочувствования в понимании

этического смысла творчества с характерными для светской культуры мотивом служения (как инверсии религиозной идеи соработничества) и эстетическим идеалом красоты как образа совершенства, выражаемого целостностью Абсолюта, природы и духовного мира человека.

Оказавшись за пределами родной страны, в отрыве от национальной культуры, русская диаспора активизировала важнейшую функцию культуры — функцию памяти — как механизм самосохранения и трансляции опыта культуры. Культурная память, представленная мемориальными текстами, создавала особый тип интеллектуальной коммуникации в отсутствие среды, привязанной к историческому месторазвитию культуры. В этих текстах воссоздавался исторический, интеллектуальный и культурно-природный ландшафт российской цивилизации, что в восприятии современников формировало целостный образ русской культуры. Тем самым образы-идеи культурной истории России, в том числе нашедшие воплощение в предшествующих художественных произведениях, приобретали мемориальный характер, соединяя значение художественной ценности и памятника истории. Можно говорить, что эмиграция продолжала жить в *семиосфере* русской культуры, понимая себя как пребывающую «не в изгнании, а в послании», прилагая огромные усилия по сохранению единства смыслового поля культуры.

Именно попытка интерпретировать смысловое единство как основу идентичности и длительности существования культур нашла отражение в понятии «семиосфера». Удачная метафора приобрела значение культурологического и философского термина, войдя в современный лексикон гуманитаристики. Фундаментальные исследования Ю.М. Лотмана, Вяч.Вс. Иванова, А.М. Пятигорского, В.Н. Топорова, Б.А. Успенского позволили создать типологические модели описания различных культур и выявить механизмы культурной памяти. В работах этих ученых семиосфера выступает в качестве знаково-смысловой общности, внутри которой осуществляется культурная коммуникация и возникает эффект понимания между «адресантом» и «адресатом». При этом *осознание единства всей культурной системы проявляется только в истории*. В своей известной статье «Память культуры» Ю.М. Лотман пишет: «Семиотические аспекты культуры (например, как история искусства) развиваются, скорее, по законам, напоминающим законы памяти, при которых прошедшее не уничтожается и не уходит в небытие, а, подвергаясь отбору и сложному кодированию, переходит на хранение, с тем, чтобы при определенных условиях вновь заявить о себе»¹.

В духовно-практическом смысле русская диаспора, представлявшая собой культурный класс России, поняла русскую культуру как свое историческое творческое задание, переданное от прошлого настоящему для последующего созидания чаемой ими России. Потому каждый акт интерпретации исторических, политических или духовно-культурных реалий, художественный или философско-культурологический, был *событием в жизни целостного «текста» исторической русской культуры, выступая звеном преемственности в опыте осмысления и культурного самообоснования традиции*. Автор-эмигрант и автор-классик включались в горизонт понимания друг друга, извлекая смысл и, тем самым, переплавляя опыт традиции в *новую целостность понимания* прошлого, настоящего и будущего, становясь экзистенциальным звеном времени культуры, используя специфическую мнемотехнику текста и комментария к нему. Таким образом, актуализация смыслов культуры и удержание единства ценностно-смыслового поля — семиосферы русской культуры — создавались мнемотехникой. Выстраивалась новая идентификационная ось на основе синтеза ценностей православия и русской классики как лучшего плода национальной культуры, достигшего универсального мирового значения. Не случайно Ю.М. Лотман, характеризуя процесс актуализации того или иного пласта культуры, подчеркивал: «Иногда “прошедшее” культуры для ее будущего состояния имеет большее значение, чем ее “настоящее”»².

Пережив историческую катастрофу, русское общество словно бы вернулось к характерной формуле жизнотворчества, восходящей к традиции художественной культуры Руси/России, с ее способом опосредствования веры в опыте культуры и, одновременно, непосредственным восприятием веры как целостности культуры. Русские интеллектуалы — писатели, философы, политики — выступая в сложившихся условиях в качестве нового инициатора общения с историей русской культуры, воспроизводили *христианские коннотации* базовой культурной традиции, транскрибируя этот смысл в свою коммуникативную систему, отличительной чертой которой является стилевая множественность языков, образов и опытов жизни.

Как представляется, поставленная нами проблема философии памяти в мемуарном наследии русской эмиграции, может быть рассмотрена как условие трансляции культурной памяти на уровне идеалов, целей, ценностей, смыслов и значений жизни, находящихся выражение в литературном, художественном и философском произведении, которое начинает выполнять *функцию философской рефлексии над самой культурой, ее историческим преданием*. На наш взгляд, данная проблема является одним из возможных исследо-

вательских сюжетов и заслуживает самостоятельного развития в рамках философии и истории культуры. Нас же в данном контексте будет интересовать конкретный источник — мемуарное наследие А.В. Тырковой-Вильямс во взаимосвязи двух сюжетов — летописи Освободительного движения как важнейшей линии российской социально-политической истории и месте ее воспоминаний в корпусе эмигрантской литературы.

2. Освободительное движение в воспоминаниях

А.В. Тырковой-Вильямс

Ариадна Владимировна Тыркова-Вильямс — талантливая русская журналистка, принявшая активное участие в общественно-политическом переустройстве Российской империи в период становления парламентской системы. Единственная женщина, входившая в ЦК конституционных демократов, она в значительной степени повлияла на отношение товарищей по партии к «женскому вопросу», настойчиво доказывая необходимость равных избирательных прав для женщин, признания политических свобод «без различия пола». Она — одна из немногих русских женщин, которая смогла облечь свою интуицию свободы, личностное психологическое стремление к ней в формы социального и культурного творчества — в конкретную работу по партийному строительству и активную общественно-публицистическую деятельность.

Добиться признания в кругу маститых ученых, блестящих ораторов и уже известных публицистов Ариадне Тырковой помогло не только ее мужественное следование идее свободы, но не в меньшей степени литературное чутье, писательский и человеческий интерес к событиям и людям, сфокусированный на психологическом факторе. По мнению Тырковой, непосредственное знание людей, внимание к их психологии, умение налаживать с ними общение были основой новой общественно-политической коммуникации в процессе собирания и выстраивания партии. Лидером этой деятельности Тыркова всегда считала кн. Д.И. Шаховского, отказывая в этом качестве П.Н. Милюкову. В своих воспоминаниях она замечает: «Главным наставником с начала и до конца оставался Шаховской. Его живое, горячее знание людей, умение к ним подходить, с ними сближаться, его благожелательность делали его незаменимым старшим дядькой партии. Милюков так обращаться с людьми не умел»³.

В этом контексте обратим внимание на признание важности социально-психологической составляющей освободительного движения и на тот личностный тип общественного деятеля, который представляет собой Ариадна Тыркова. Именно психология личности во многом определила модели общественного поведения

участников, решительным образом повлияв как на выбор тактики и стратегии политической борьбы, так и на результат самого процесса реформирования России. И здесь, на наш взгляд, интересен следующий факт. Выявляя в своих теоретических работах природу общественной жизни, П.Н. Милюков указывал, что «все социальные явления происходят в психической среде»⁴. Утверждая принцип исторической закономерности как основы своих социологических и культурно-исторических исследований, Милюков говорил о взаимодействии духовного и материального начал в историческом процессе и жизни отдельной личности, полагая, что историческая закономерность «должна быть сведена к закономерности явлений соседних областей, — и, прежде всего, к закономерности психологической»⁵. Для Милюкова главными факторами русской духовной культуры оказываются церковь и школа, а национальная идентичность определяется через религиозную идею и *психическое взаимодействие индивидов*, которое обнаруживает себя в ценностно-смысловом пространстве языка. Но, как пишет в своих воспоминаниях Тыркова, Милюков-ученый и Милюков-политик реализовывали на практике противоположные стратегии. Если первый теоретически признавал главенство психологического фактора, то второй был вообще безразличен к проявлениям личностно-психологических свойств окружающих: «Но к людям, как отдельным личностям, Милюков относился с холодным равнодушием. В общении с ними не чувствовалось никакой теплоты. Чужие мысли еще могли его интересовать, но не чужая психология. Разве только женская, да и то только пока он за женщиной ухаживал, а потом он мог проходить мимо, не замечая ее. Люди были для него политическим материалом, в котором он не всегда хорошо разбирался»⁶. Такая человеческая ограниченность, по мнению Тырковой, лишила Милюкова точного понимания проблем русской жизни: «Обычно он давал синтез того, что накопила русская и чужеземная либеральная доктрина. В ней не было связи с глубинами своеобразной русской народной жизни. Может быть потому, что Милюков был совершенно лишен религиозного чувства, как есть люди, лишённые чувства музыкального»⁷. Это — в терминологии Тырковой — либеральное начётничество, привело к тому, что Милюков не понимал и не ощущал Россию исторической личностью, которую нужно любить. «У Милюкова для того ответственного места, которое он занял в общественном мнении, не хватало широты государственного суждения, он не знал тех глубоких переживаний, из которых вырастает связь с землей. Держава Российская не была для него живым, любимым существом», — довольно резко заключает Тыркова-Вильямс⁸.

Известно, что А. Тыркова всегда смело высказывала свои суждения, нередко оппонировала и лидеру кадетов, отстаивая множественность мнений в самой либеральной среде. Примерами тому стали и ее ораторский дебют в защиту избирательных прав женщин, и работа в «Русской молве» — альтернативе милюковской «Речи», которую Тыркова тогда уже сочла ограниченной и «зауженной» по тематике: «Газета велась скучно, бледно, в ней не хватало занимательности, жизни. Милюков придавал значение только своим передовым, где добросовестно анализировал шахматные ходы думской политики и международного положения. Другие отделы его не интересовали. У него не было газетного нюха, да и публицистического таланта не было, этих двух свойств, которые помогли Суворину сделать из “Нового времени” одну из лучших русских газет»⁹.

Если следовать социально-психологической методологии самой Тырковой как аутентичной и продуктивной для современного ей обращения к истории русского освободительного движения, частью которого она стала, то опыт русской журналистки и партийной активистки оказывается своего рода репрезентантом женской судьбы в пореформенной России. Женская сущность России и женский вопрос в России тесно связаны, хотя первый относится к области философии культуры, а второй, скорее, к социологии и политической культурологии. Справедливо говорить, что культурным основанием для появления социально-психологического и творческого типа личности, подобного Ариадне Тырковой, явилась среда обедневшего дворянства, которая стала одной из социальных баз разночинной интеллигенции, служившей по найму. Складывалась новая стратификационная структура русского общества. Не случайно Тыркова, в связи с уходом от мужа вынужденная жить писательским трудом, называла себя «интеллигентным пролетарием»¹⁰. Но еще более важным в этом общественном процессе было возникновение принципиально новой социально-психологической среды. Как пишет Тыркова, «на нас действовала эпоха. В ней шевелилась, таилась потребность к протесту, к резкой перемене в общественной жизни. К свободе мыслей и действий»¹¹.

В воспоминаниях, созданных в эмиграции, Тыркова-Вильямс четко характеризует генеалогию своего пути к свободе и то «политическое беспокойство», которое понудило ее «присоединиться к бурной борьбе с исторической властью»¹². Истоки ее «человеколюбивого безумия»¹³ — в христианском либерализме матери-шестидесятницы, в дедовской «Истории жирондистов», в политической неудаче старшего брата Аркадия и, наконец, в духе просвещенного гуманизма гимназии кн. А.А. Оболенской, инспирированном, главным образом, чтением литературы.

В этом контексте уместно вспомнить известный эпатажный тезис В.В. Розанова о русской литературе, который обсуждался отечественными исследователями. В заметках «С вершины тысячелетней пирамиды (Размышление о ходе русской литературы)» философ писал, что литература, выступающая в других культурах как явление, в России становится сутью, что приводит к исторической трагедии. По мнению Розанова, Россию разорвала ее литература. Как отмечают С.С. Неретина и А.П. Огурцов, «если Герцен видел в этом средоточии всех жизненных сил на литературе определенный изъян русской культуры, которой не хватало цивилизации, гражданской жизни, то Розанов обвиняет русскую литературу в том, что она ответственна за разрушение и культуры, и цивилизации, и гражданской жизни»¹⁴. Если исходить из логики Розанова, то можно утверждать, что образы литературы не просто вытеснили жизнь, создав художественную реальность, в которой жили читатели Пушкина и Достоевского, но, задавая идеалы, в то же время исказили русскую жизнь, отдавшую предпочтение опыту воображения перед трезвым ее принятием. Эта жажда скорейшего воплощения общественного идеала, своего рода, «радикализм» идеалов в отсутствии «срединной культуры» стал питательной почвой для радикализма уже революционного.

Действительно, воздействие социально заостренной русской литературы на общественную жизнь и личные модели поведения, как мужчин, так и женщин из образованных слоев, было громадным. Но если одних почти религиозное чувство вины и раскаяние перед закрепощенным и выпавшим из истории русским мужиком в аскетическом порыве самопожертвования приводило к революционному террору, то других оно нацеливало на трудную, но плодотворную культурную работу – просветительскую, художественно-творческую, научно-образовательную и общественно-политическую. Так, «детоводитель» Тырковой к либерализму кн. Д.И. Шаховской был вдохновлен идеями Л.Н. Толстого, в которых содержались и моральная критика существующего социального порядка, и призыв к демократизму. В этом социальном поле возможностей, возникшем в эпоху великих реформ второй половины XIX века в России, формировались многообразные культурные практики, связанные не только с новыми видами деятельности родового аристократии и помещичьего дворянства в виде высшего государственно-управленческого слоя бюрократии и земств, но и с общественно значимыми профессиями «интеллигентного» содержания.

Общий свободолобивый настрой эпохи, когда критика и «косвенное порицание многих русских порядков»¹⁵ стали элементом

самосознания даже гимназисток, как и личная потребность в свободе для умной молодой женщины, могли, безусловно, аккумулировать некий энергичный потенциал, способный конвертироваться в общественную деятельность. Но это сочетание еще отнюдь не предопределило бы стези женщины-политика. Тыркова была вовлечена в этот род деятельности не от страстного желания общественного служения. Ей не были свойственны черты революционной интеллигенции, диагностированные Ф.А. Степуном как «почти религиозная жажда служения и подвига; страстная одержимость безрелигиозной идейностью; страстное стремление к действию при наличии доходящей до бездельности деловитости»¹⁶. Ариадна Тыркова была «рекрутирована» в освободительное движение большей частью силою своих личных обстоятельств — распадом брака и необходимостью воспитания детей в стесненных денежных условиях. Открывшаяся на тот момент возможность самостоятельно зарабатывать на жизнь сочинением статей на фоне семейной неудачи социально и психологически стала предпосылкой для встречи Тырковой с формирующейся либеральной средой, от стадии кружков, тайных обществ и индивидуальных усилий переходившей к целенаправленной общественно-политической работе. И здесь ключевую роль в судьбе А.В. Тырковой сыграл кн. Д.И. Шаховской, личная заслуга которого заключалась в установлении контактов внутри сословно неоднородной среды образованных русских людей — аристократии и интеллигенции — земской, научной и профессиональной. Как пишет Тыркова, «Шаховской был прямой потомок декабристов... но искал поддержки не в офицерстве, а в новой земской среде... Он так ясно ощущал необъятность, богатство русской земли, так твердо знал, что на такой просторной ниве всем честным труженикам найдется место, найдется дело»¹⁷. Именно такую честную и даровитую труженицу разглядел в Тырковой князь Шаховской и постепенно вовлек ее в освободительное движение, политическим успехом которого стала Конституция, избирательное право и публичная партийная деятельность.

Принимаясь за свои воспоминания, Тыркова не только составила летопись освободительного движения, правдиво передавая «душевный склад, ту общую психологическую атмосферу, в которой происходило освободительное движение»¹⁸, запечатлевая отдельный облик каждого участника, но *заново пережила и сотворила образ* России в конкретных исторических формах ее общественного и культурного бытия, в неповторимости индивидуальных черт и своеобразии ее действующих лиц.

В этом своем мемуарном и художественном опыте А.В. Тыркова-Вильямс воплотила понимание целей и задач эми-

грантской литературы, промысленное выдающимся русским философом-изгнанником Ф.А. Степуном. Ей удалось избежать идеологической корысти и сентиментального любования душевной драмой расставания с родиной. Как предупреждал Степун русскую диаспору, «первая опасность — опасность чрезмерного увлечения воспоминаниями; вторая — предательство вечной памяти о России»¹⁹. Степун исходил не только из стилистической, но и из онтологической разницы между памятью и воспоминаниями: «воспоминания всегда направлены на свое и прошлое. Они корыстны и реакционны. Их порочность в неискоренимой склонности связывать вечность всякого явления с его постоянной отмирающей формой. В отличие от них, память всегда направлена на всеобщее и вечное. Она бескорыстна и пророчественна... Воспоминания — лирический тлен; память — онтологическая нетленность», — категорически заключает Степун²⁰.

Трагические обстоятельства российской истории XX века — неизбежный фон в разговоре о судьбах русской культуры и русского либерализма, представительницей которых является писательница и политическая активистка Тыркова. Суть национальной трагедии в том, что русский мир раскололся как во времени, так и в пространстве. Эта граница пролегла по оси истории до и после русской революции и по оси пространственной локализации культуры — внутри и за пределами Родины. Вергежа — это небогатое, но крупное помещичье землевладение — дворянское гнездо, оберегаемое отцом, любившим старый русский порядок, — осталось на всю жизнь для Тырковой символом-образом русскости — домом-семьей, домом-родиной, домом-памятью культуры. Русская культура периода «рассеяния» никогда не прекращала своего существования, прилагая огромные усилия по самосохранению, социальной организации и творческому развитию. Примерами являются и приходы Русской Православной Церкви за границей, и попытки институционализации отечественной традиции философско-богословского образования в Западной Европе и в Америке, художественно-творческая и политическая деятельность представителей русского Зарубежья.

Продемонстрированная эмиграцией способность удерживать и транслировать духовные смыслы культуры в отрыве от материнской красноречиво говорит о коллективном труде по сохранению аутентичной культурной среды. Над исторической драмой возвышается опыт русских мыслителей и художников. Поражает сила духа, с которой они преодолевают глубоко личностную трагедию разрыва с Родиной, масштабом своего дарования и интеллектуальным трудом противостоя жесткой логике исторических событий. Художественная, научно-гуманитарная и политическая элита до-

революционной России — этот «интеллигентский» плод русской культуры — оказалась важным и абсолютно необходимым звеном в линии исторической преемственности XX века. Совместно с «малым стадом» творчески мыслящих людей, принадлежащих к научно-академической и артистической среде в самой советской России, представителям России за рубежом удалось сохранить национальный «генетический» код культуры. Своими усилиями трудной, но плодотворной жизни они стали живыми звеньями преемственности духовно-творческой традиции русской культуры. В их опыте преодоления значимым оказался идеал русской культуры — творческого совершенствования личности перед лицом Вечности и истории. Деятельная Ариадна Тыркова-Вильямс, как и в России, продолжала оставаться центром эмигрантской жизни. Все более осознавая себя носительницей христианского самосознания русской культуры, она все больше сил отдавала церковно-общественной работе, продолжая жить в духовном пространстве русской литературы и истории, средоточием и порождающей смысловой моделью которого для многих в их опыте культурного самопознания, стал Пушкин — это воплощение, по словам П.Б. Струве, самого объемлющего и в то же время самого гармонического духа, «который выдвинут был русской культурой»²¹.

Забота о сохранении языка и русской литературной традиции в этих условиях была крайне важной, ведь эмиграция пыталась соединить две задачи: сохранить потерянную Родину и обрести ее на чужбине, вывезя в сердцах, умах и душах ее главную ценность — русскую культуру. Поиск обобщающего начала — некоего духовного камертона для литературы периода рассеяния — становится предметом философской рефлексии мыслителей и писателей. Как считал Степун, таким обобщающим началом «не может быть ни курящееся воспоминаниями пепелище сгоревшей усадьбы, ни во всех странах иная и всюду одинаково мучительная эмигрантская жизнь»²². По мнению философа, таким обобщающим началом «может быть только то, что по судьбе и по заданию обще всем эмигрантам: историческая трагедия революции и вечный лик России»²³. «С этими темами, — продолжает Степун, — не справиться ни при помощи зарисовки по памяти прежней России, ни при помощи парижски-белградски-харбинских снимков с натуры. Не помогут тут ни углубление в свое личное “Я”, ни метафизический надрыв одинокого умствования, ни скорбно-бесстыжее оголение своих половых мук, ни щеголяние культурничеством и духовной утонченностью... Болящая сердцевина эмигрантской жизни: исторгнутость из России и неприкаянность в Европе — должна быть превращена в отправную точку всей творческой жизни писателя...

Все это должно быть осилено не в порядке научного исторического или социологического исследования, а в порядке живого художественно-интуитивного постижения, в порядке длительного, упорного, конечно, трудного и остро-личного разгадывания таинственного смысла нашей эмигрантской судьбы, в порядке защиты нашей политической чести, в порядке исповедания нашего национального служения»²⁴.

Очевидно, что идейно-философская программа Степуна соответствует настрою и характеру той работы постижения «болящей сердцевины эмигрантской жизни», которую проделала Тыркова. Ее художественный и журналистский взгляд, приметливый к деталям и выдержанный в духе реалистической трезвости, очень важен. Свидетельница и участница судьбоносных событий, она привнесла свое понимание ценностей свободы и социальной активности в новую историю России и позже, в эмиграции, воссоздав достоверную картину политической эпохи, полной надежд, но имевшей трагическое завершение. Не отрекаясь от либерального движения, она критически переосмыслила борьбу освободителей с исторической властью, придя к неутешительному выводу, что лучшие русские люди, вдохновленные идеями либерального пути развития России, забыли завет Петра I — «была бы Россия жива». Они «забывали не потому, что хотели гибели России, а по ребяческой невдумчивой уверенности в ее незыблемости», — пишет Тыркова²⁵. Одной из причин этого гибельного заблуждения был избыток «государственного простодушия»²⁶. Множественные оппозиционные круги, включая земцев, помещиков, городскую надклассовую интеллигенцию, профессоров, учителей, врачей, инженеров, писателей, адвокатов были, по словам Тырковой, одурманены идеями и предрассудками: «Слепоте правительства отвечала слепота оппозиции. Самодержавие не понимало общественного стремления к реформам. Левые не понимали психологии самодержавия, его государственной жизненной сущности, его исторических заслуг»²⁷. Получалось, что оппозиционные ораторы, ненавидя самодержавие, не хотели признавать за Россией «никаких творческих проявлений народного духа»²⁸. Таким образом, происходило, по мнению Тырковой, выталкивание здравого исторического смысла из политической деятельности: «Непримиримость и отрицание существующей власти ставились выше практического предвидения»²⁹.

Не трудно заметить, что в своей переоценке событий А. Тыркова-Вильямс близка к выводам виднейших политиков, связанных с ней кадетским прошлым, — П.Б. Струве и В.А. Маклакова. Один из них, Струве, проделал заметную эволюцию от марксизма к национально-культурному (консервативному) либерализму с явны-

ми симпатиями к монархии; другой, Маклаков, всегда был весьма умеренным и потому достаточно чуждым самому последовательно-му либералу, лидеру кадетской партии Милюкову. Тезис Тырковой носит достаточно определенный характер: в своих воспоминаниях она возлагает круговую ответственность за случившуюся русскую катастрофу на власть, т.е. на весь просвещенный слой, участвовавший в управлении страной³⁰.

Независимо от того, обладала ли Тыркова врожденным общественным темпераментом или логика ее судьбы была определена рядом случайных обстоятельств, но все эти индивидуальные и исторические условия наилучшим образом высветили литературные дарования дочери Вергезского помещика, любившей чтение, в особенности русскую классику с ее богатством духовно-нравственного содержания и неповторимостью живого поэтического слова. И если в эпоху политических реформ творческий талант Тырковой развивался на почве общественно-политической публицистики, то в эмиграции русское слово, русская культура и православная вера стали для нее, как и для других сотен тысяч изгнанников, прибежищем, утешением и спасением. Это была *единственная подлинная реальность их пребывания в истории*, в тесной взаимосвязи и преемственности с потерянной исторической Россией — с Родиной. Именно в этом контексте мемуары А.В. Тырковой-Вильямс, обогащенные философской рефлексией над историческим опытом целого поколения, предстают как экзистенциальное событие человеческой жизни, а осмысление прошлого — как необходимая форма самообоснования человека и общества в большом времени культуры (М.М. Бахтин).

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Лотман Ю.М. Семиосфера. — СПб., 2004. — С. 615.

² Там же.

³ Тыркова-Вильямс А. На путях к свободе. — М., 2007. — С. 377.

⁴ Милюков П.Н. Очерки по истории русской культуры. Ч. 3. — СПб., 1903. — С. 1.

⁵ Милюков П.Н. Очерки по истории русской культуры. Ч. 1. — СПб., 1900. — С. 10.

⁶ Тыркова-Вильямс А. На путях к свободе. — С. 374.

⁷ Там же.

⁸ Там же. — С. 375.

⁹ Там же. — С. 370 — 371.

¹⁰ Там же. — С. 58.

¹¹ Там же. — С. 28.

¹² Там же. — С. 26.

¹³ Там же. — С. 27.

¹⁴ Теоретическая культурология. — М., 2005. — С. 224.

¹⁵ Тыркова-Вильямс А. На путях к свободе. — С. 27.

- ¹⁶ Степун Ф.А. Жизнь и творчество. Избр. соч. – М., 2009. – С. 422.
¹⁷ Тыркова-Вильямс А. На путях к свободе. – С. 116 – 117.
¹⁸ Там же. – С. 28.
¹⁹ Степун Ф.А. Жизнь и творчество. – С. 638.
²⁰ Там же. – С. 638 – 639.
²¹ Русская идея в кругу писателей и мыслителей русского зарубежья. Т. 2. – М., 1994. – С. 472.
²² Степун Ф.А. Жизнь и творчество. – С. 645.
²³ Там же.
²⁴ Там же.
²⁵ Тыркова-Вильямс А. На путях к свободе. – С. 31.
²⁶ Там же.
²⁷ Там же. – С. 67.
²⁸ Там же. – С. 68.
²⁹ Там же. – С. 377.
³⁰ Там же. – С. 71.

Аннотация

А.В. Тыркова-Вильямс – известная русская журналистка, писательница, оказавшая значительное влияние на общественную жизнь России. Автор изучает мемориальное наследие писательницы в контексте российской культурной и политической истории. Статья анализирует социальную историю России не как прошлое ради прошлого, но как живую часть культурного опыта человечества, которая является гарантией развития исторического самосознания.

Ключевые слова: память, духовный, христианский, традиция, либерализм, политический, культура, исторический, самосознание, интеллигенция, власть, общество.

Summary

A.V. Tyrkova-Williams, famous Russian journalist and authoress, has had a vast influence on the public life of Russia. In this text the author studies the memorial heritage of the authoress in the context of Russian cultural and political history. The article analyses Russian social history not as the past for the sake of the past but the past as a living part of cultural experience, as the guarantee of its historical self-consciousness extension.

Keywords: memory, spiritual, Christian, tradition, liberalism, political, culture, historical, self-consciousness, intelligentsia, authority, society.